

правде: скрытая сила природы втайне ненавидит подобие, так как оно несет в себе различие и раздвоение, и ищет в нем цельность, которую в нем и лишь ради нее самой любит, — как уста за вином и в вине ищут и любят вкус или сладость. Если бы вода имела тот вкус, какой есть у вина, уста не любили бы вино больше воды.

Вот почему я сказал, что душа в тождестве ненавидит подобие и любит его не само по себе, и не из-за него самого; но любит она его ради Единого, скрытого в нем, которое есть истинный «Отец», без всякого истока начало, «всяческое» «на небе и на земле». И посему я говорю: до тех пор, пока между огнем и деревом только подобие имеется и наблюдается, не наступит ни подлинной радости, ни молчания, ни отдыха, ни утоления. И потому же учителя говорят⁹¹³: становление огня происходит в борьбе, в смятении, в непокое и времени; рождение же огня и веселье бывает вне времени и пространства. — Веселье и ликование никому не покажется долгим и длительным. — Все, что сейчас я сказал, имеет в виду наш Господь, говоря: «Когда жена рождает ребенка, терпит она скорбь, страдание и печаль; когда же ребенок родился, забывает она скорбь и страдание»⁹¹⁴. Поэтому говорит и призывает нас в Евангелии Бог, чтобы мы небесного Отца умолили, дабы наша радость сделалась совершенной, а святой Филипп говорил: «Господи, покажи нам Отца, и довольно для нас»⁹¹⁵; ибо «Отец» предполагает рождение, а не подобие, и предполагает Единое, в нем же подобие умолкает, и все утихает, что к бытию имеет влечение.

Теперь человек неприкрасно может познать, почему и отчего он безутешен во всяком своем страдании, несчастье и бедствии. — Это происходит только и исключительно из того, что он от Бога далек и несвободен от твари, несообразен Богу и холоден к Божией любви.

Но есть еще и нечто другое. Если бы кто захотел это заметить и принять во внимание, был бы он, бесспорно, утешен во внешних невзгодах и бедствиях.

Вот человек следует каким-то путем или занимается каким-нибудь делом или выполняет что-то другое и при этом терпит ущерб — ногу, руку сломает или глаза лишится или заболит. Тогда, если все время он будет в себе помышлять: «Езжал бы ты другою дорогой или занимался другим делом, с тобой сего не случилось бы», то поневоле останется безутешен и горестен. И поэтому ему стоит подумать: «Если бы ты следовал другою дорогой, предпринял или не предпринял какое-то дело другое, то, может статься, с тобою случилось бы гораздо худшее несчастье и горе». И так он по праву утешится.

Еще я предположу нечто другое: ты потерял тысячу марок; эту тысячу марок, что были потеряны, тебе не стоит оплакивать. Надо Бога благодарить; Он дал тебе тысячу марок, хотя ты мог их утратить, и позволяет тебе, упражняя добродетель терпения, заслужить вечную жизнь, которую многие тысячи человек не имеют.

А вот и другое, что человека сможет утешить. Допустим, что в чести и в покое человек провел многие годы, и вдруг теряет все это по Божьему промыслу; тогда ему надо серьезно задуматься и возблагодарить Бога. Ведь, только столкнувшись с несчастьем и горем, выпавшим теперь на его долю, он осознал, какая у него до сих пор была обеспеченность и безмятежность; и за покой, которым он наслаждался столько лет, даже никогда не подумав, как же было ему хорошо, он должен возблагодарить Бога и не роптать. Он должен уразуметь, что, в соответствии с природным положением вещей, человек, кроме зла и порока, сам по себе ничего не имеет. Все, что ни есть доброго и благого, то Бог ему одолжил, а не отдал. Ибо тот, кому ведома истина, знает, что Бог, Отец в небесах, передает Сыну и Духу